

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО

Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования¹

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

*Черныш Михаил Федорович – доктор социологических наук, заведующий, сектор социальной мобильности, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5. E-mail: che@isras.ru

Цитирование: Chernysh M. (2015) Social Institutions, Mobility and Social Justice: the Results of a Study. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 7–28 (in Russian)

Данная статья является продолжением полемики о проблемах социальной справедливости в российском обществе. В обсуждении проблем справедливости все чаще звучит апелляция к культуре, сохраняющей, якобы, традиции уравнительного распределения. Результаты общероссийского исследования говорят о том, что в российском общественном сознании бытуют разные интерпретации справедливости – от справедливости прямого действия до ориентации на процедурную справедливость, воплощенную в законах. Доля россиян, придерживающихся эгалитарных ценностей, невелика. Большинство населения видит справедливость в четком исполнении взятых на себя обязательств властью и населением, работодателем и работником.

Метод виньеток использовался в исследовании с целью изучения реакции россиян на ситуации, в которых могут сталкиваться между собой разные трактовки справедливости. Полученные результаты свидетельствуют о том, что серьезнейшей проблемой российского общества стало расхождение макро- и микроконтекста восприятия справедливости. Общие принципы справедливости редко согласованы с практиками на микроуровне, где функционирует институт частного контракта ad hoc, сохраняющего привилегии ресурсных групп.

Ключевые слова: социальная справедливость, социальные институты, мобильность, бюрократия, культура, рабочий контракт, цивилизация

¹ Данная статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 14-28-00217 «Межпоколенная социальная мобильность от XX века к XXI: четыре генерации российской истории».

Теоретический посыл исследования

В полемике о российских реформах, их успехах и неудачах некоторые ее участники все чаще апеллируют к культуре. Культурный «уклон» стал желательным по нескольким взаимосвязанным причинам.

Во-первых, он оказался удобным инструментом вхождения в мировой социологический дискурс, в котором одно время модным течением стал постструктурализм, отрицающий решающее влияние структур на поведенческие паттерны, открывающий для актора двери структуралистской «железной клетки». В постструктуралистской парадигме именно актор представлялся истинным творцом социальной реальности, а онтологический индивидуализм – единственным способом ее познания. Позиции постструктуралистов оказались весьма шатки, век продуцируемых ими теоретических схем недолог, но предложенная ими альтернатива классическим схемам понимания социального открыла дорогу культурным вариантам интерпретации. Отныне стало возможным говорить об акторе как носителе и конструкторе устойчивых образцов, источнике, причине наблюдаемого социального мира. Из первоначального варианта постструктуралистской теории в конечном итоге выпали важные определяющие ее компоненты – эмансипация меньшинств и конструирование идентичностей как непрерывный процесс производства социального. В остатках оказалась взаимосвязь когнитивных установок и конституирования власти. Власть стала рассматриваться прежде всего как продукт взаимодействия микро- и макромиров, обыденных норм и процедур легитимации.

Во-вторых, свою роль сыграло возрождение цивилизационной теории, к которой многие из наблюдаемых тенденций относились за счет культурных различий, цивилизации представлялись как мощные культурные макрообразования, способные порождать серьезные напряжения и конфликты. Сказалось и то, что понятие «цивилизация» приобрело по мере своего бытования в философии и социологии два значения: одно – иерархическое, обозначающее степень приближения общества к европейским стандартам экономической и социальной жизни, и другое – эмансипирующее, обозначающее культурную определенность, свойственную народам, проживающим на сопредельных территориях. В социологическом дискурсе распространенной практикой стала подмена одного понятия другим или их совмещение. Не ограничиваясь этнографическим описанием культур, уравнивающим их в правах, некоторые авторы легко переходили к выделению в ряду цивилизаций развитых и менее развитых, прогрессивных и отсталых. Логическим следствием подобных рассуждений становилась императива «цивилизационной модернизации» – слома ключевых культурных кодов цивилизации во имя прогресса, понимаемого как движение к Европе или в Европу. В некоторых случаях предлагалось насадить европейские институты в лоно ближневосточной цивилизации, но в отечественном дискурсе чаще звучали призывы модернизировать российскую цивилизацию, якобы статичную, неспособную к развитию, проигрывавшую цивилизационную гонку постиндустриальным странам Запада [Яковенко 2012]. Наделение понятия «цивилизации» краткосрочной перспективой стало, безусловно, одной из новелл российской философии и культурологии. Оказывалось, что цивилизации можно существенно трансформировать в короткие сроки, используя для этого имеющиеся в наличии европейские образцы и властное принуждение. В подобных рассуждениях соединялись воедино концепт цивилизации, критика культуры и апел-

лания к политическому. В этом контексте культура становилась отправной точкой понимания существующего положения вещей и одновременно тем материалом, на который должна воздействовать власть, стремящаяся к модернизации.

В-третьих, ренессанс культуры объяснялся понятным желанием архитекторов реформ объяснять причины российских неудач чем угодно, кроме собственных действий. Культура оказалась удобным контекстом, в котором эффект политического выбора смягчался вековым горизонтом, господством устойчивых образцов.

Выстраивая схему анализа, в котором основная роль отводилась культуре, ее сторонники не избежали серьезных издержек. По мере внедрения культурной аргументации все менее очевидным становилось влияние теории рационального выбора даже в умеренном смягченном варианте. В поле культуры микросреда оказывалась полностью в сфере влияния макроустановок, свобода актора сводилась лишь к его способности воспроизводить устойчивые культурные образцы. По сути, гранд-теория возвращалась в новом обличье как сильная культурная парадигма анализа. В этом ключе интерпретировалась теория зависимости от пути (*path dependence*) или теория институциональных матриц, определяющих устойчивость политической культуры. В первом случае российское общество рассматривалось как эпифеномен его истории: в теории институциональных матриц С. Кирдиной предлагалось принять как свершившийся факт деление обществ на два институциональных типа X и Y [*Кирдина 2000*]. Российское общество естественно попадало в азиатский кластер, характеризуемый «раздатком» – доминированием государства в экономике и политике. В этом же ряду находится теория социальной справедливости, предложенная С. Кордонским [*Кордонский, Дехант, Моляренко 2012*]. Социальная справедливость трактуется в ней как совокупность устойчивых представлений о равенстве, детерминирующая структурные характеристики общества и воспроизводящая сословное устройство общественной жизни. Сословия были отменены в России в 1917 г. в одном из первых указов советской власти. Российское общество пережило длительный период культурной трансформации, в ходе которой сословия клеймились как дореволюционная архаика, пережитки жизни. Однако, утверждает С. Кордонский, отменив одни основания существования статусных различий, советская власть легитимизировала другие. Современная российская власть усилила статусную компоненту социальных различий, опираясь на укоренившиеся в сознании патримониальные ценности: сословия возникают там, где есть власть, контролирующая ресурсы, и население, готовое к уравнительному, распределительным вариантам освоения имеющихся социальных благ.

Подобная объяснительная схема имеет право на существование лишь в том случае, если: а) в общественном сознании доминирует общее, единое представление о социальной справедливости; б) это общее представление, преобладающее на макроуровне, имеет прямую проекцию на микроуровень, то есть определяет поведение людей в конкретных ситуациях; в) названные ценности обладают колоссальной устойчивостью, способны пережить революции, войны, периоды модернизации или упадка. Вероятность того, что три названных условия сойдутся в одной культурной парадигме и будут воспроизводиться на протяжении столетий, приближается к нулю. Тем не менее введение понятия «сословность» в научный оборот сыграло свою роль. Социальная справедливость как метареальность российской жизни стала предметом активного обсуждения.

В этой связи уместным был вопрос: а что же такое социальная справедливость? Можно ли сводить это понятие только к распределительным установкам?

Этот вопрос ставился на самых ранних этапах общественной мысли: в диалоге Платона «Государство» именно он находился в самом начале аргументации о разумном устройстве общественной жизни [Платон 2014]. «Что есть справедливое?» – спрашивали у Сократа его собеседники и по очереди предлагали собственные определения. Кефал рассматривал справедливое как «воздаяние должного каждому человеку» [Платон 2007, с. 99–109]. Но вопрос сразу же уперся в дефиницию самого должного. В современной интерпретации долг и должное – это то, что определяется социальными институтами, и то, что держит на себе социальный порядок. Фрасимах полагал, что способен дать неопровержимое определение справедливости, приравнивая ее к «тому, что угодно сильному» [Платон 2014, с. 123]. Таким образом, сила, своеволие рассматривались как творцы социального порядка, а удел рядового гражданина заключался лишь в том, чтобы принять неравенство в той форме, в которой оно установлено высшей властью. В определении Полемарха лежал все тот же принцип воздаяния, но в несколько иной форме: справедливость состоит в том, чтобы помогать друзьям и вредить врагам. Но справедливые люди, утверждает Сократ, не могут посредством справедливости, являющейся добродетелью, умножать зло и несправедливость. Справедливость, таким образом, возвышается Сократом до уровня общего принципа, идущего зачастую против принципа солидарности в малой группе. Микро и макро сталкиваются между собой в споре о справедливости, ее носителем Сократ объявляет общество в целом. В доказательство этого он приводит легенду о кольце Гигеса: пастух Гигес, нашедший волшебное кольцо и ставший благодаря ему невидимым, отказывается от добродетельного поведения, совершает предосудительные поступки. В диалоге Платона поставлены почти вся проблематика справедливости и основные линии рассуждений о ней в работах древних и современных авторов. Во-первых, как следует из диалога, при том, что справедливость – общественная ценность, представления о ней отличаются в разных социальных группах и, как правило, связаны с тем положением, которое индивид занимает в обществе. Во-вторых, воплощение принципа справедливости перепоручается индивидом социальным институтам, в которых норма воплощения справедливости согласована с прошлым (традицией, прецедентом), интересами и «стилями мысли» разных «мыслительных коллективов» (выражение Л. Флека) [Fleck 1981].

Многие из предположений Платона стали предметом детального обсуждения в работах современных философов и социологов. В «Теории о социальной справедливости» Дж. Ролза справедливость (в логике кантианской традиции) сводится к основополагающим жизненным императивам: свободе, коллективному социальному страхованию и открытости социальным перегородкам [Rawls 1990]. А. Сен отрицает значимость теоретизирования в таком важном деле и настаивает на понимании справедливости в практическом ключе – как действия, направленного на улучшения положения индивидов и целых социальных групп [Sen 2011]. М. Сэндл располагает справедливость в пространстве между общими принципами и реальными действиями [Sandel 2009]. В современном обществе общие принципы, сталкиваясь с конкретными ситуациями, нередко рожают сумеречные зоны неопределенности. Можно ли пожертвовать одним человеком во имя спасения многих? С одной стороны, это справедливо, но кто в этом случае принимает решения и при каких обстоятельствах? Справедливо ли официальным образом откупаться от службы армии в сложные для отечества времена? С одной стороны, конечно же, нет, с другой, это все же лучшее решение, чем неформальные способы уклонения

от военной службы, рождающие коррупцию. Справедливы ли претензии суррогатной матери на выношенного ею ребенка? С одной стороны, именно она дала ему жизнь, с другой, у ребенка есть другая, биологическая мать. Суждения о справедливости в подобных ситуациях проверяют эффективность социальных институтов, а также границы тех общих принципов, которые лежат в их основе. Сами противоречия, рожденные в «сумеречных» зонах, где сталкиваются между собой общие принципы и варианты поведения в конкретных ситуациях, свидетельствуют о поливариантности интерпретации понятия «социальная справедливость» в современном обществе, об отсутствии в нем однозначности, которая могла бы детерминировать отношения больших социальных групп.

Российское общество относится к категории современных и, следовательно, предлагает разные интерпретации понятия «справедливость» для разных ситуаций. Для проверки этой гипотезы было использовано эмпирическое исследование социальной справедливости, базировавшееся на общероссийской представительной стратифицированной выборке². Для моделирования поведения респондента применялись виньетки – ситуации, в которых респондент сталкивался с моральным выбором, дилеммой справедливости, имеющей узнаваемые характеристики. В одних случаях воспроизводилась реальная ситуация, с которой каждый из респондентов имеет возможность встретиться в реальной жизни. В другом – случай из жизни, о котором большинство респондентов слышало и о котором имело свое суждение в недалеком прошлом.

Кейс «ворующий продавец»

В первой из виньеток представлена следующая ситуация. Продавец, работающий в большой торговой сети, регулярно сталкивается с очевидной несправедливостью: ему недоплачивают, задерживают заработную плату. В отместку он начинает воровать продукцию магазина, в котором работает, продавать ее, компенсируя таким образом потери в доходах – налицо нарушение принципа, который выше определялся как «справедливое воздаяние». Продавец недополучает заработную плату по вине хозяев магазина, у него, казалось бы, есть полное право получить то, что ему причитается в обход действующих институтов. Если бы продавец мог стать невидимым и его деяния не были бы известны окружающим, то совершаемое им деяние осталось бы только на его совести. Однако об этой ситуации узнает респондент и ему предстоит решить, как действовать в подобном случае. В его распоряжении есть несколько возможных вариантов поведения. Во-первых, он может обратиться в правоохранительные органы, выдать им продавца и, таким образом, прекратить нарушение закона. В обществе с развитой институциональной системой, где восстановление справедливости относится к ведомству правоохранительных органов, именно такой вариант стал бы наиболее распространенным. В пользу подобного предположения говорит, например, дело Лилли Ледбеттер, ставшее в США прецедентом справедливого решения. Лилли имела продолжи-

² В основе исследования, проведенного в 2013 г., лежала случайная, вероятностная стратифицированная выборка населения РФ объемом в 2003 респондента. В исследовании принимали участие респонденты в возрасте 18 лет и старше.

тельный стаж работы в компании «Гудьир» и была на хорошем счету. Ее показатели были ничуть не хуже, чем у других работников, а в 1996 г. она даже получила специальную награду компании «За наилучшие показатели в труде». Несмотря на то, что она была не хуже других мастеров, ее зарплата неизменно была меньше на 15–40%. Проблема, как она догадалась, в том, что в деле поощрения компания отдавала предпочтение мужчинам, считая их более перспективными, более надежными работниками. В 1998 г., выйдя на пенсию, Ледбеттер приняла решение бросить компании вызов и подала апелляцию на неприемлемые практики дискриминации в Комиссию равных возможностей в сфере занятости, созданную согласно Акту о гражданских правах 1964 г. Дело поступило в суд присяжных, который вынес решение в пользу Ледбеттер, присудив компенсацию за все годы работы в компании, за моральный ущерб и судебные издержки. Однако в 2007 г. Верховный Суд США отменил это решение, сославшись на то, что дискриминация имела место в прошлом, а закон регулирует только текущие практики. В дело вмешалась пресса, которая осудила решение, отменившее наказание для компании. В Конгресс был внесен специальный «закон Ледбеттер», прошедший Палату представителей, но застрявший в Сенате, где на тот момент преобладали республиканцы. В 2008 г. по результатам выборов большинство в Сенате получили демократы, которые приняли «закон Ледбеттер», поставив точку в этом деле. Таким образом, справедливость была восстановлена на институциональном, легальном уровне [The Supreme Court's Ledbetter Decision 2009]. Если бы Лилли Ледбеттер стала восстанавливать справедливость в частном порядке, прибегая к запретным практикам, то ей вряд ли удалось заручиться поддержкой населения и прессы.

Разумеется, возникают особые случаи, когда институциональная система не работает или ее «санкционная длань» настолько далека, что социальная справедливость в ее институциональном аспекте невозможна. М. Дуглас иллюстрирует подобную ситуацию выдуманной «делом спелунцианских исследователей» [Douglas 1986]. В отдаленном будущем геологи-исследователи, изучающие строение земли, оказались заблокированными в глубокой шахте. Спасатели пытались пробиться к ним, но работа шла слишком медленно, а запасы продовольствия у десяти геологов иссякали. Им удалось установить связь со спасателями, и в ходе сеанса радиосвязи они выяснили, что помощь придет не раньше, чем через десять дней, и с теми запасами, которые у них остались, выжить они не смогут. Тогда они поставили вопрос следующим образом: как отнесется «внешнее» общество к тому, что они прибегают к канибализму и, пожертвовав жизнью одного из своих товарищей, спасут девять остальных. Ни один врач, философ или священник не решился дать им совет. В итоге исследователи бросили жребий, убили и съели того, кто получил меньше всего очков. Как только четверо оставшихся в живых геологов вышли из пещеры, им пришлось предстать перед законом. Мнение судей Верховного Суда разделилось: первый судья посчитал, что геологи заслуживают оправдания, поскольку находились в состоянии отчуждения от общества и имели право поступать так, как договорились действовать между собой. Второй судья воздержался, полагая, что суд не имеет права судить подобные случаи, поскольку речь идет о ситуации вне общества. Третий судья настаивал на обвинительном приговоре: преступление было налицо, произошло убийство и виновных следовало наказать. Четвертый потребовал оправдания на том основании, что «людьми управляют не законы, писанные на бумаге, а другие люди» [Douglas 1986, pp. 6–7]. В подобной постановке вопроса содержится еще одна возможная дилемма социальной справедливости:

формальные правила против договора, которые заключают между собой заинтересованные лица. При этом важную роль играет в определении «правильного» решения «дистанция» между теми, кто договаривается, и организациями энфорсmenta, карающими за нарушение институциональных правил.

В том варианте постановки проблемы, который должен был рассудить респондент, важно было определить «дистанцию» между продавцом, нарушающим закон, и социальными институтами, регулирующими границу между нормой и патологией. Как бы поступил респондент в том случае, если бы узнал о воровстве: выдал бы продавца руководству, пожаловался бы в правоохранительные органы, попытался бы отговорить продавца от противозаконных действий или же устранился бы от всяких возможных действий, занял позицию невмешательства? Респондентам приходилось выбирать между несколькими моделями восстановления справедливости – институциональной (правоохранительные органы), организационной (работник не должен красть у своего предприятия), компенсаторной (око за око, мы вправе поступать так, как поступает с нами наше предприятие) или моделью избегания выбора.

Рисунок 1. Выбор моделей справедливости (%)

Институциональный вариант действий – обращение в правоохранительные органы – оказался самым слабым, его поддержали всего 4,1% опрошенных (рисунок 1). В большинстве случаев респондент ничего не стал бы делать, для того чтобы изменить ситуацию, занял бы отстраненную позицию стороннего наблюдателя. Около четверти опрошенных все же вмешались бы в ситуацию, переговорив с продавцом, посоветовав ему прекратить воровство. В этой группе находятся те, кто сочувствует продавцу, поддерживает идею восстановления справедливости, но не может принять тот способ, который продавец выбрал для решения своих проблем. Они взяли на себя роль судьи, обращающегося только к одной из сторон – продавцу, предостерегая его от возможных последствий, не проявляя сочувствия к компании и не полагаясь на правоохранительные органы. Примерно 10% опрошенных не нашли оправдания в действиях продавца и выступили бы на стороне магазина,

поставив в известность о фактах воровства его руководство. Небольшая, но все же заметная группа респондентов однозначно поддержала бы позицию продавца, выступив на его стороне и, по сути, став соучастником его преступлений.

Возможные факторы, влияющие на решение респондента, изучались с помощью процедуры множественной логистической регрессии. Выяснилось, что наибольшие поведенческие различия наблюдаются в таком измерении, как возраст. Молодая когорта менее, чем когорта пожилых, склонна апеллировать к институциональным акторам социальной справедливости и чаще выступает на стороне воруемого продавца. Для сравнения: в правоохранительные органы обратились бы 3,5% респондентов в возрасте до 30 лет и 6,9% респондентов в возрасте от 60 лет и более.

Вторым важным дифференцирующим фактором стал сектор занятости респондента. В группе занятых в государственном секторе позицию невмешательства заняли бы 35,5%, а в среде тех, кто работает в рыночном секторе экономики, таковых оказалось существенно больше – 46,4%. При этом в группе работающих в государственном секторе оказалось больше тех, кто готов был занять позицию «морального авторитета», завести разговор с продавцом о пагубности совершаемых действий, дать совет о том, как выйти из неприятной ситуации (28,4% и 21,7% соответственно). Можно предположить, что на позицию работников государственного сектора влияет то, что они находятся в положении «сторонних наблюдателей» и, следовательно, реже сталкиваются с ситуациями, которые представлены данным кейсом. Им легче «судить» с позиции морали, чем тому, кто регулярно сам оказывается участником подобных конфликтов или наблюдает схожие коллизии на своем предприятии.

Второй из вопросов, относящихся к представленной выше ситуации, предлагал респонденту прямо охарактеризовать действия продавца как оправданные или неоправданные. На выбор респондента были представлены три варианта ответа: полное оправдание продавца, его частичное оправдание и полное его осуждение. Этот вопрос разделил население на три группы: около 10% склонны поддерживать индивидуальные, идущие вразрез с установленными правилами варианты восстановления справедливости, примерно треть опрошенных полагает, что действия продавца имеют частичное оправдание, и 46,2% считают, что никакими благами намерениями нельзя оправдать то, что он делает (рисунок 2).

Рисунок 2. Распределение при ответе на вопрос «Оправданы ли действия продавца?»

А как бы поступил сам респондент, если бы оказался в подобной ситуации? Респондентам предоставлялась возможность выбрать три варианта действия:

искать справедливости в институциональной среде (суд, правоохранительные органы, профсоюзы), действовать самостоятельно, как это делает описанный выше продавец, или выйти из морально неоднозначной ситуации. С известной долей условности представленные варианты можно поделить на ситуации *voice* и *exit* – решение бороться за свои права и решение уволиться с предприятия, которое поступает несправедливо по отношению к работнику. Решение *voice*, как правило, предполагает наличие «сетевой», институциональной поддержки – присутствия в поле конфликта организаций и площадок, на которых возможно восстановление справедливости. Ожидаемо наибольшая доля опрошенных (37,0%) выбрала бы вариант *exit*, т.е. увольнение с предприятия, которое позволяет себе несправедливость. Примерно пятая часть (22,1%) постаралась бы отрегулировать конфликт путем прямых переговоров с руководством предприятия. Но вполне очевидно, что лобовое столкновение с вышестоящим руководством в отсутствие поддерживающей институциональной сети не сулило бы подчиненному ничего хорошего: обычной практикой российских работодателей стало избавление от «скандалистов», настаивающих на соблюдении своих прав. Около 10% выбрало вариант обращения в суд, хотя и в этом случае надежды на успешное разрешение конфликта нельзя назвать обоснованными. В российских практиках найма распространена заработная плата «в конвертах» без каких-либо документов, подтверждающих ее уровень, и доказать в суде, что права такого работника нарушены, как правило, весьма затруднительно. За справедливостью в профсоюз или правозащитную организацию обратились бы 7,5% опрошенных, и примерно такая же доля выбрала бы такой же вариант, как и упомянутый продавец – индивидуальный вариант восстановления справедливости.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что сторонники стратегии *voice* не менее многочисленны, как и сторонники стратегии *exit*: в определенных обстоятельствах, например в условиях малого города с неразвитым промышленным сектором и сферой услуг, стратегия *exit* выглядит проблематичной, ставя пострадавшую сторону перед необходимостью покинуть обжитые места и устремляться в другие регионы, где есть подходящие рабочие места. Отсюда вытекает одна из гипотез, относящихся к исследуемой ситуации: стратегия *voice* более всего распространена в малых населенных пунктах – городах и селах, и шире всего в столицах – Москве и Санкт-Петербурге. Для проверки этой гипотезы выполнялась процедура бинарной логистической регрессии, в которой *voice* и *exit* были представлены как два альтернативных варианта поведения.

Полученные результаты (таблица 1) свидетельствуют о том, что гипотеза подтверждается: поселенческая структура относится к числу факторов, способных влиять на выбор респондента. Из этого вытекает важный вывод: общая сумма активных действий может накапливаться в «клаустрофобических» ситуациях, например, в условиях экономического кризиса, когда нарушения прав работников становятся систематическими, а варианты решения проблемы посредством стратегии *exit* затруднительными. Особенность российской ситуации такова, что в кризисной ситуации в отсутствие сколько-нибудь надежной поддержки со стороны работающих социальных институтов работнику приходится напрямую обращаться за поддержкой к государству. Государство, уклоняющееся от действий, направленных на восстановление справедливости, будет, скорее всего, признаваться неадекватным, пристрастным, поддерживающим не работников, а работодателей. В целом логично предположить, что нарушения социальной справедливости способны

в ситуации дисфункции институционального порядка приводить к повышению социальной мобильности или, если мобильность невозможна, к повышению уровня напряженности и критическому восприятию существующего институционального порядка. Симптоматично, что социальные перемещения, как правило, направлены на поиски оптимального «контракта» с работодателем, а не точек, в которых обнаруживала бы себя сильная социальная сеть, защищающая права работников.

Таблица 1. **Факторы, влияющие на стратегии восстановления справедливости (логистическая регрессия)**

Предикторы	Score	Степени свободы	Значимость	Exp (B)
Тип предприятия	0,11	1,00	0,74	0,98
Пол	1,56	1,00	0,21	2,08
Возраст	0,75	1,00	0,39	1,04
Уровень благополучия	0,03	1,00	0,86	1,00
Образование	0,37	1,00	0,54	0,98
Тип поселения	10,30	1,00	0,00	0,78

И, наконец, еще один вопрос остается важным в контексте рассмотрения кейса «ворующий продавец»: в какой степени представления о справедливости могут изменяться в зависимости от «деталей», характеризующих личную историю фигуранта? К обстоятельствам, описанным выше, был добавлен отягощающий «семейный» фактор – больной ребенок, на лечение которого продавец должен был собирать деньги. Выяснилось, однако, что доля тех, кто полностью оправдывает действия продавца в этом случае, выросла незначительно – с 9,6% до 14,2%, причем произошло это прежде всего за счет тех, кто и так оправдывал его хотя бы частично (с 34,5% до 28,7%). Что касается доли осуждающих продавца, то она фактически осталась той же, что и прежде (43,9% и 46,2% соответственно). Таким образом, получила поддержку «контекстуальная» модель рассмотрения справедливости, согласно которой большая часть населения однозначно разделяет контексты на микро и макро, семейный и институциональный, а какая-то часть (существенно меньшая) полагает, что контексты могут пересекаться и личные обстоятельства способны изменить ценностную «решетку», в которой находят решение дилеммы справедливости.

Кейс «месть Виталия Калоева»

Второй из кейсов, который использовался в исследовании в качестве виньеток, характеризующих представления о справедливости, был взят из старых новостных хроник. Речь идет о так называемой «мести Калоева». Напомним, что россий-

ский гражданин Виталий Калоев потерял в авиакатастрофе над Боденским озером всю свою семью – жену и двоих детей. Виновник катастрофы швейцарский авиадиспетчер Питер Нильсен избежал серьезного наказания: он всего лишь был уволен с работы и подвергнут судебному порицанию. Швейцарские власти, в отличие от властей Германии, над территорией которой произошла авиакатастрофа, затягивали расследование дела, а затем и вовсе спустили его на тормозах. И тогда Калоев, возмущенный ходом дела, взял дело справедливости в собственные руки. Он отправился на поиски Нильсена хотя бы для того, чтобы – стоит ему верить – увидеть в его глазах следы сожаления и раскаяния по поводу произошедшего. Но при встрече Нильсен не выказал никакого сожаления. Встретив Калоева на пороге своего дома, он даже не стал смотреть на фотографии погибших, которые пытался показать ему Калоев, а попросту оттолкнул его руку. В этот момент Калоев не выдержал, нанес Нильсену ножом несколько смертельных ударов. Возникает вопрос: можно ли считать действия Калоева оправданными? Можно ли восстанавливать справедливость деянием «героя» или же в любом случае, даже тогда, когда институты правосудия дают сбой, необходимо придерживаться практик, принятых в современном обществе?

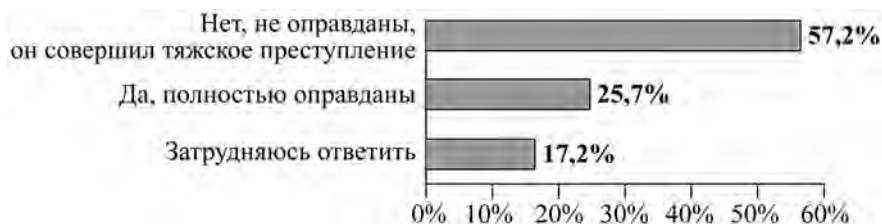

Рисунок 3. Оценка поступка Калоева (%)

Доля тех, кто полагает, что поступок Калоева был оправдан, равна примерно четверти опрошенных. Противоположной точки зрения придерживается гораздо больше россиян – около 60%. Как и следовало ожидать, необходимость делать моральный выбор приводит к тому, что существенно увеличивается доля затруднившихся ответить (17,2%) (рисунок 3). Расхождения в оценках позволяют выдвинуть в качестве объяснения несколько предположений. Во-первых, это гипотеза, характеризующая культурные различия в обществе: Калоев, осетин по национальности, воспитан в кавказской культуре, в которой кровная месть по-прежнему если не приветствуется, то, по крайней мере, не осуждается. Можно допустить, что граждане России, русские по национальности, будут относиться к поступку Калоеву иначе, чем представители других культур и, в частности, россияне, проживающие в регионах Кавказа. Во-вторых, возможно выдвижение гипотезы, утверждающей, что различия в оценках деяния Калоева связаны с уровнем индивидуализации в разных группах населения. Выше отмечалось, что молодежь более индивидуалистична и чаще склонна поддерживать «героя», восстанавливающего справедливость посредством прямого действия. Соответственно старшее поколение, имеющее опыт жизни в СССР, будет склонно к тому, чтобы осуждать Калоева, порицать любые прямые действия в обход социальных институтов. В-третьих,

логично предположить, что действия Калоева более соответствуют «маскулинному» типу поведения и менее совместимы с противоположной стратегией, настаивающей на необходимости вести переговоры, добиваться компромиссов. Если это так, то мужская часть населения будет чаще выступать в поддержку Калоева, а женская, напротив, будет его осуждать. Названные гипотезы проверялись с помощью процедуры бинарной логистической регрессии, в которой зависимой стала дихотомическая переменная «оправдываю-осуждаю».

Результаты анализа не дали подтверждения первой из гипотез (таблица 2). Этническая принадлежность респондентов никак не повлияла на оценку поступка Калоева. Уточняющая процедура в форме логит-анализа не выявила серьезного расхождения в оценках между разными этническими группами. Возраст также оказался переменной, не имеющей значимых влияний на оценку рассматриваемого деяния: различия между когортами оказались за пределами статистической значимости. Переменная, действительно влияющая на отношение к справедливости прямого действия – это тип поселения. Более всего осуждающими поступок Калоева оказались жители двух столиц – Москвы и Санкт-Петербурга. Данный вывод нельзя считать окончательным, потому что точность анализа ограничивалась малыми размерами национальной подвыборки. Результаты анализа оказались бы более надежными, если бы доля населения, представляющего народы Кавказа, была больше и если бы эта весомая группа гарантированно относилась именно к кавказской культуре, не включала в себя тех, кто давно живет в центральной полосе России и почти полностью аккультурирован в русской традиции. В предварительном порядке можно сделать следующий вывод: граница в оценке поступка Калоева лежит не между культурами, рождаемыми этническим фактором, а культурой столиц и культурой остальной России. Москва и Санкт-Петербург имеют не только более высокие стандарты жизни, но и существенно отличаются от остального населения в том, как они видят справедливость и какие средства считают допустимыми для ее достижения.

Таблица 2. Факторы, влияющие на оправдание-осуждение поступка Калоева (бинарная логистическая регрессия)

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Степени свободы	Значимость	Exp(B)
Пол	0,11	0,11	0,98	1,00	0,32	1,11
Возраст	0,05	0,04	1,90	1,00	0,17	1,05
Образование (в годах обучения)	0,05	0,02	7,84	1,00	0,01	1,05
Поселение в целом	–	–	45,45	3,00	0,00	
Столица	-1,31	0,20	41,31	1,00	0,00	0,27
Город	-0,09	0,16	0,37	1,00	0,55	0,91
Деревня	-0,20	0,14	2,18	1,00	0,14	0,82
Этнос	0,02	0,46	0,00	1,00	0,96	1,02
Constant	0,02	0,53	0,00	1,00	0,98	1,02

Респонденты, оправдывающие Калоева, должны были ответить на еще один вопрос, предназначенный только для них. Им предстояло объяснить, почему они оправдывают Калоева, по какой причине он, с их точки зрения, невиновен. В посылах исследования лежала гипотеза, согласно которой кто-то из респондентов может оправдывать его отнюдь не из принципиальных соображений, а каких-то других причин. Можно было, например, предположить, что оправданием его деяния стало помрачение рассудка (на чем, кстати, настаивал сам Калоев, когда предстал перед судом), пережитое им огромное горе, повергшее его в состояние глубокой депрессии или какие-то другие причины.

Данное предположение оказалось не лишены оснований (рисунок 4). Доля тех, кто приписывал ему стремление совершить акт возмездия, действовать по принципу воздаяния за зло, составила менее половины изучаемой совокупности. Более четверти опрошенных заявили, что его вполне могло бы оправдать большое горе, сильное, травмирующее переживание. Почти каждый восьмой оправдывал его тем, что он на тот момент был не в себе, на него нашло помрачение рассудка. Один из десяти респондентов увидел в его поступке императив культуры: Калоев отомстил диспетчеру потому, что именно так предписывают действовать обычаи его народа; не острое желание восстановить справедливость, а традиция заставила его действовать так, а не иначе.

Заключительный вопрос, относящийся к данной ситуации, ставил перед респондентом дилемму, аналогичную той, что решал Калоев. Ему было необходимо представить себя в ситуации потери близких и решить, как бы он поступил с Нильсеном, виновным в катастрофе. Только 15% высказались за справедливость прямого действия. Большая часть предположила, что все-таки, несмотря на все издержки, они стали бы искать справедливости в суде (42,7%). Около четверти россиян вообще не стали бы что-либо предпринимать, полагая, что в этой ситуации бессмысленно говорить о справедливости: погибших уже не вернуть. И 17,7% выбрали вариант «затрудняюсь ответить».

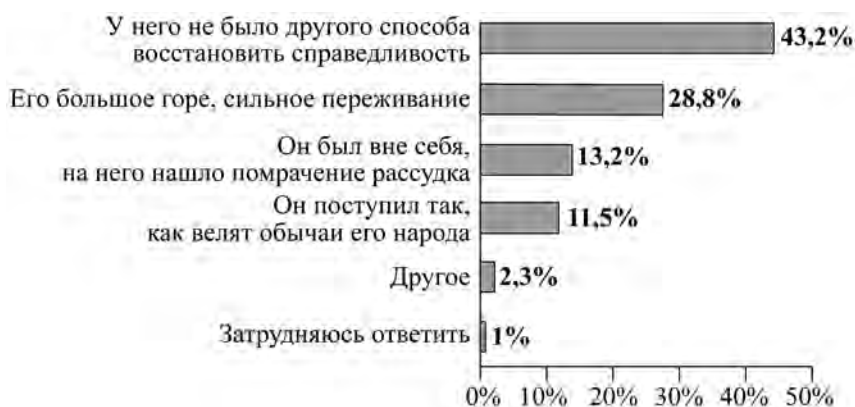

Рисунок 4. Причины, оправдывающие Калоева

Виньетку, выстроенную вокруг поступка Калоева, отличало то, что в ней присутствовал соблазн прямой справедливости, ее восстановления в обход лю-

бых юридических институтов, продемонстрировавших свою неэффективность. Речь идет о «стратегии Монте-Кристо», заключающейся в стремлении наказывать виновников собственной катастрофы, используя закон лишь в том случае, если он играет на стороне лица, ищущего возмездия, и нарушая его, если закон мешает добиваться искомого. Случай Калоева показал, что в российском социуме поступки, подобные тем, что совершил Калоев, имеют некоторую поддержку, но все же доминирующая стратегия справедливости состоит в том, чтобы идти до конца в рамках существующей институциональной системы. В случае если институциональная стратегия оказывается неэффективной, население склонно регрессировать в сторону отчуждения скорее, чем выбирать прямое действие. В этом случае реальной альтернативой становится нисходящая мобильность в институциональном поле. Под ней подразумевается допущение того, что силы, воплощающие собой несправедливость, могут быть сильнее любой стратегии, ориентированной на восстановление справедливости: кто сказал, что этот мир справедлив?

Кейс «выбор врачей»

О причинах, способных сломать формальную логику институциональной справедливости, говорит следующая, третья виньетка. В условии задачи, которую должен был решить респондент, задана ситуация тяжелой автокатастрофы, случившейся в отдалении от большого города. На трассе в гололед сталкиваются пять машин, вследствие чего получают тяжелые травмы и оказываются на грани жизни и смерти три человека – крупный федеральный чиновник, крупный собственник-владелец большой торговой фирмы и местный рабочий. Всех трех «Скорая» доставляет в местную больницу, возможности которой ограничены. Местные хирурги в состоянии сделать операцию и спасти жизнь только одному из пострадавших. Респонденту предстоит ответить на вопрос, кого из трех пострадавших спасли врачи и какими соображениями они руководствовались.

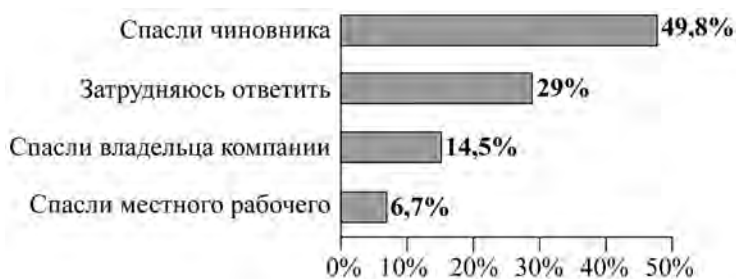

Рисунок 5. Виньетка 3: выбор врачей

Выбор оказался настолько непростым, что около трети выбрали вариант «затрудняюсь ответить» (рисунок 5). Именно этот вариант должны были выбрать те, кто не видит возможности ответить на вопрос, не зная других обстоятельств дела, кроме заданных. Если в подобной ситуации работают институциональные нормы,

то определить спасенного невозможно, не зная, например, о тяжести состояния каждого из пострадавших, подробных инструкций, которые даны врачам в таких случаях, очередности поступления каждого в клинику.

Рисунок 6. Мотивация выбора в экстремальной ситуации (%)

Однако доля затруднившихся ответить оказалась существенно меньше, чем доля тех, кто сразу сделал определенный вывод: врачи будут спасать прежде всего чиновника федерального уровня. Необходимо подчеркнуть, что особая привилегированная позиция чиновничества уже не в первый раз выдвигается как причина несправедливости, царящей в российском обществе. Именно конфликт между чиновниками и населением характеризуется населением как наиболее острый, опасный для стабильности в современной России.

На втором месте с существенным отставанием оказался владелец крупной компании и только около 7% поверили в то, что помощь будет оказана местному жителю, простому рабочему сельхозпредприятия. Структура выбора оказалась стабильной, на нее не смогли повлиять ни пол, ни возраст, ни образование респондента, ни степень его участия в принятии решений.

Далее респондентам следовало объяснить, почему они сделали подобный выбор, какие факторы нарушили нормы справедливого выбора.

Мнения респондентов разделились. На первом месте оказался фактор денег, который, как оказалось, работает не столько на крупного собственника, сколько на чиновника (рисунок 6). Деньги чиновника, полагают респонденты, имеют иной вес, чем деньги собственника. Собственник, скорее всего, заплатит врачу за ту услугу, которую врач ему оказал, чиновник же имеет возможности изменить порядок

финансирования сельской больницы, и от его действий могут выиграть не только лечащие врачи, но и весь персонал клиники, вся система здравоохранения района. На втором месте – неформальные связи в разной форме. Врачи могут сделать такой выбор потому, что у чиновника или его коллег есть возможность неформального влияния на местную власть, а возможно, считают респонденты, формальные связи вовсе не понадобятся: врачи получают прямую подсказку от вышестоящих коллег относительно того, как им действовать, кого спасать в первую очередь.

Только один из десяти респондентов допустил, что врачи ориентировались на состояние пострадавших, отдав предпочтение тому, у кого было больше шансов выжить. Доля тех, кто полагает, что врачи действовали по формальным правилам, еще меньше – 7,7%. Все остальные варианты ответа выбирались менее чем 5% опрошенных. Общее благо, к примеру, выраженное в полезности для страны, оказалось на пятом месте – 2,9% опрошенных. Таким образом, в очередной раз на первые места вышел фактор преимущественного положения высшей бюрократии, регулирующей распределение общих ресурсов и нарушающей при этом права рядовых граждан. В этом, возможно, скрывается тот самый ресурс доминирования, на существовании которого настаивал С. Кордонский. Это было бы так, если подобные статусные преимущества рассматривались бы как естественные, если бы в культуре существовали культурные аргументы, оправдывающие подобное неравенство. Между тем, как показали данные, в культуре присутствуют пересекающиеся факторы, способные микшировать влияние оппозиции «чиновник – рядовой гражданин».

В следующих вопросах кейс, предложенный к рассмотрению респондентам, был усложнен этническим фактором. Респондент должен был решить, мог ли повлиять на решение врачей тот факт, что пациенты принадлежали к разным этническим группам: один был русский, второй – дагестанец, третий – еврей. В тесте отрабатывалась гипотеза, согласно которой этническая составляющая становится важным условием принятия решений на местном уровне. Тест принес неожиданные результаты: около одной четвертой части опрошенных (23,5%) убеждены, что этническая принадлежность сыграла бы свою роль; противоположной точки зрения придерживались 56,7%, а 19,8% затруднились ответить на поставленный вопрос. В дальнейшем гипотезой анализа стало предположение, согласно которому этнический фактор более важен для молодежи, чем для пожилого населения. Полагалось, что старшая когорта, воспитанная в духе советского интернационализма, продолжает считать, что действия профессионалов не должны иметь национальной подоплеку, что национализм – это «темная сторона» сознания, которую необходимо держать под контролем. В молодежной среде, как показывают исследования, межэтнические отношения гораздо чаще осознаются как конфликтные и одновременно как мотив принятия важных решений. Вторая гипотеза базируется на распространенном убеждении о том, что для малых народов характерно острое восприятие этнического фактора. Несмотря на его сомнительность, его также было решено проверить. Дихотомический характер переменной (повлиял/не повлиял) позволил применить для проверки гипотез процедуру бинарной логистической регрессии.

Результаты заставляют отвергнуть первую «когортную» гипотезу, согласно которой этнический фактор более важен для молодежи, чем для старшего поколения (таблица 3). Различия между когортами действительно фиксируются на значимом уровне, однако их масштаб не дает возможности признать их убедитель-

ными. Не сработала в очередной раз и гипотеза о влиянии этнической принадлежности на суждение о значимости этнического фактора. Величина стандартного коэффициента в данном случае невелика, а уровень его значимости не таков, чтобы рассматривать этнос в качестве переменной, имеющей заметное влияние. На первый план неожиданно вышел фактор поселенческой структуры: как показало исследование, в столицах возможность этнического влияния допускается чаще, чем в городах другого типа или деревнях. Надо полагать, в столичных городах различные этносы чаще сталкиваются в одном социальном пространстве и чаще замыкаются в этнически обособленные группы. Подобная ситуация приводит к тому, что именно этнос становится фактором принятия решений.

Таблица 3. Влияние этнического фактора на врачебное решение (бинарная логистическая регрессия)

Предикторы	B	Стандартная ошибка	Статистика Вальда	Степени свободы	Значимость	Exp (B)
Пол (мужской)	-0,24	0,11	4,64	1,00	0,03	0,78
Возраст	0,07	0,04	2,88	1,00	0,09	1,07
Уровень благополучия	0,05	0,09	0,33	1,00	0,57	1,05
Тип поселения	–	–	15,37	3,00	0,00	
Столица	-0,77	0,22	12,58	1,00	0,00	0,46
Город	0,03	0,16	0,03	1,00	0,87	1,03
Село	-0,19	0,14	1,75	1,00	0,19	0,83
Образование (в годах обучения)	0,02	0,02	0,87	1,00	0,35	1,02
Принадлежность к этнической группе	0,12	0,45	0,08	1,00	0,78	1,13
Constant	0,55	0,57	0,90	1,00	0,34	1,73

Диапазон различий между тем социальным порядком, который мыслится как реальный, и тем, который рассматривается как желательный, иллюстрируется вопросом о том, как поступил бы респондент, если бы решение вопроса оказалось в пределах его компетенции. Примерно четверо из десяти опрошенных (37,6%) заявили, что действовали бы в соответствии с формальными институциональными нормами, врачебными инструкциями, регулирующими подобные ситуации. Около четверти опрошенных приняли бы решение в пользу того из пострадавших, у которого было больше шансов выжить. Каждый десятый принял бы решение в пользу того из попавших в аварию, у кого семья больше или кто имел больше детей. Для сравнения: спасти того, кто может больше заплатить, стали бы всего 2,4%. Ориентация на этнос оказалась важной только для 2,7% опрошенных. И, наконец, спасти «полезного для страны» стали бы только 2,5%. Региональная идентичность оказалась еще слабее: только 1,6% отдали бы предпочтение соседу, человеку, живущему рядом.

Кейс «выбор врачей» оказался красноречивым свидетельством того, как по мере приближения к реальной ситуации, ее детализации, отходит на задний план нормативный порядок, рассматривающийся как справедливый. Институциональные правила, заявленные на макроуровне, замещаются влиянием институтов, работающих в ситуациях реального выбора, когда врачу предстоит спасти конкретных людей, имеющих разный статус и уровень влияния в обществе. Речь идет не об отсутствии институционального порядка как такового, а об институциональных правилах различного уровня. Формальные институты высшего порядка, предусматривающие равенство всех граждан перед законом, защищающие гражданина от произвола рынка или бюрократии, находятся в конфликте с «договорной» справедливостью, преобладающей в ситуационных практиках.

Выводы

Результаты исследования указывают на то, что в российском обществе, пересекаясь, сосуществуют разные модели социальной справедливости. С очевидностью можно заявить, что важное место в структуре ценностей занимают представления о справедливом «воздаянии за заслуги», реципрокном обмене ресурсами между индивидом и организацией. В сознании задержка заработной платы или ее неполная выплата рассматривается как несправедливое действие, которое должно быть пресечено. Однако прямое действие индивида, восстанавливающего справедливость самостоятельно путем воровства, как это происходило в кейсах «ворующий продавец» и «месть Виталия Калоева», не имеет поддержки большинства населения. В российской культуре справедливость становится областью легитимных притязаний, когда она принимает форму процедуры, будь то судебная процедура, восстанавливающая права, или акт гражданского общества, действующего в соответствии с законом.

Однако в российской ситуации апелляция к закону часто не дает искомым результатов. Большинство россиян отлично понимают, что российская судебная система или правоохранительные органы далеки от совершенства и во многих случаях склонны к тому, чтобы делать то, что «угодно сильному», усиливая ту сторону, которая позволяет себе несправедливое действие. Серьезной проблемой становится и слабость гражданских организаций, отсутствие сильного профсоюзного движения, способного защитить права работников, умеряя аппетиты «сильных». В ситуации слабости судебной системы и сетевых организаций социальной защиты, действующих в макроконтексте, решение проблем социальной справедливости переходит на ступень ниже, в микроконтекст частных взаимодействий, где основным институтом, регулирующим социальные отношения, становится контракт, либо никак не формализуемый, либо формализуемый частично. В результате у «сильной» стороны возникает соблазн несправедливости, получения дополнительных выгод благодаря тому, что противоположная сторона частично поражена в правах. В подобной ситуации оказываются миллионы россиян, получающие, например, «серую» заработную плату в конвертах. Ни один суд, ни одна гражданская организация не способны защитить работника от недоплаты в том случае, если его работодатель в какой-то момент решит уменьшить его неформальный оклад.

Именно так поступали работодатели в период экономического кризиса 2008 г., увольняя работников без полагающихся им выплат, применяя схемы избавления от

«обузы» – женщин, находящихся в отпуске по рождению ребенка и инвалидов. Однако в обычные времена большинство работодателей придерживаются достигнутых договоренностей, сознавая, что их регулярное нарушение способно вызвать хаос на рынке труда. Дело в том, что стандартной реакцией гражданина на несправедливость, нарушение частных договоренностей чаще всего становится *exit* – выход из системы отношений с противоположной стороной. Выбирая между альтернативными вариантами *voice*, предполагающим действия внутри организации, направленные на восстановление справедливости, и *exit*, подразумевающим выход из ситуации конфликта, разрыв действующего контракта, работник чаще всего выбирает второе. Стандартная реакция *exit* – это не только социальная мобильность, не только уход с одного места работы и поиск нового контракта, но и обусловленная культурой стратегия поведения в макроконтексте. Если в обществе систематически нарушаются принципы справедливости, понимаемые в духе Ролза как свобода, равенство доступа к общественным ресурсам, социальная поддержка слабых или трактуемые в духе Сена как политика, улучшающая качество жизни, меньшинство прибегнет к прямому действию, ухудшая криминальную статистику, большинство же предпочтет *exit*, расторжение контракта поддержки действующей системы. Данная стратегия, бесспорно, эффективна потому, что ослабляет социальные и политические институты, лишая их легитимности.

Одним из результатов подобного выбора может стать, как это ни парадоксально, увеличение масштабов мобильности, включая перемещения работников на рынке труда, умножение масштабов уклонения от гражданских обязанностей или, в некоторых случаях, выезд за рубеж на постоянное место жительства. В одном из сюжетов, которые приводит в своих трудах М. Сэндел, стратегия уклонения иллюстрируется отношением граждан к службе в армии. Если состоятельные граждане получают возможность откупиться или под разными предлогами избежать армейской службы, то в менее благополучных слоях развивается тенденция нарушения закона, разнообразные формы уклонения от призыва. В период войны между Севером и Югом американское правительство легализовало практику откупа от службы, обязав состоятельных граждан самостоятельно находить себе замену. По условиям контракта состоятельный «уклонист» должен материально компенсировать призывнику его согласие служить. Предсказуемое стремление богатых избегать гражданских обязательств стало поводом для массового недовольства: даже в этой смягченной форме привилегии меньшинства рассматривались большинством как нарушение принципов справедливости.

По официальным данным, в 2013 г. в России призыв в армию был выполнен на три четверти, хотя статистика по некоторым регионам более удручающая: в армию призывается менее половины списочного состава молодых людей [План осеннего призыва 2014]. Притом что положение призывников в армии улучшилось, значительная часть молодых людей продолжает теми или иными способами уклоняться от воинской обязанности. Отношение к армии формируется в том числе и элитами, которые не торопятся отправлять своих детей на воинскую службу. Подобные практики ослабляют общие принципы, которыми живет общество, и, соответственно, те институты, которые обеспечивают его воспроизводство. Решение о службе переносится на микроуровень, где становятся предметом контрактов *ad hoc*. В результате кто-то из призывников получает отсрочку благодаря друзьям или знакомым, а кто-то откупается от службы, используя корпоративные схемы.

Как продемонстрировал третий из рассмотренных в статье кейсов – «выбор врачей», в общественном сознании бытует, возможно, с давних времен убежденность в том, что ослабленное состояние социальных институтов, процедурно обеспечивающих соблюдение принципов справедливости, не является случайностью. Выгодоприобретателем в этом случае становится российская бюрократия, и прежде всего ее высший слой, свободно, в собственных интересах распоряжающийся государственными ресурсами. Вместе с тем было бы неверно рассматривать сложившееся системное неравенство как возрождение сословной системы: в сословном обществе статусные различия легитимны и принимаются как естественные большинством населения. В российском же обществе подобные практики рассматриваются большинством как порочные, нарушающие принципы социальной справедливости. Если бы респондент имел возможность влиять на процессы распределения ресурсов (в третьем кейсе медицинской помощи), то во главу угла он или она поставили бы общие правила, регулирующие поведение профессиональных групп в форс-мажорных ситуациях, отменяя контрактные практики *ad hoc* на микроуровне.

Существенные различия в представлениях о справедливости обнаруживаются в поселенческом измерении. Наибольшие расхождения фиксируются в измерении «столицы (Москва, Санкт-Петербург) – регионы». Для столичных городов характерен более высокий уровень ресентимента по поводу нарушения принципов справедливости и широкий набор факторов, которые могут усиливать подобные переживания. В частности, в больших городах, и прежде всего столицах, чаще признается, что одной из причин несправедливости могут стать этнические различия. Можно предположить, что подразумевается способность представителей сплоченных этнических диаспор в столицах уходить от ответственности благодаря подкупу правоохранительных органов и неформальным связям, то есть благодаря все тем же практикам заключения неформальных соглашений с отдельными лицами в обход закона. В регионах подобных переживаний меньше, но нельзя исключать, что пример столиц окажется заразительным и по мере увеличения потоков миграции межэтнические напряжения будут там нарастать.

Исследование подтвердило, что представления о социальной справедливости, процедурной или дистрибутивной, образуют фундамент, на котором функционируют важнейшие социальные и политические институты. Серьезной проблемой российского общества являются не господство эгалитарных представлений, а различия между общими принципами справедливости и практиками неформальных контрактов, заключаемых в микроконтексте. Подобные расхождения рождают социальное напряжение, способствуют тому, что большинство российских граждан невысоко оценивает уровень справедливости в современной России.

Литература

- Кирдина С.Г. (2000) Институциональные матрицы и развитие России. М.: Теис.
Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. (2012) Сословные компоненты социальной структуры России: гипотетико-дедуктивный анализ и попытка моделирования // Мир России. № 2. С. 62–102.
План осеннего призыва в российскую армию выполнен на три четверти (2014) // Российская газета. 14.11.2014 // <http://www.rg.ru/2014/11/14/priziv-anons.html>
Платон. Собрание сочинений. Т.3.(2007) Государство. СПб.Изд.Олега Абышко.12

- Уклони́стов становится меньше // Независимая газета. 01.10.2014 // http://www.ng.ru/editorial/2014-10-01/2_red.html
- Яковенко И. (2012) Что делать? // Новая газета. 16.03.2012.
- Douglas M. (1986) *How Institutions Thing*. Syracuse University Press.
- Fleck L. (1981) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago University Press.
- Rawls J. (1990) *A Theory of Social Justice and Its Critics*. Stanford University Press.
- Sandel M. (2009) *Justice. What Is the Right Thing to Do?* New York: Farrar, Strauss and Giroux.
- Sen A. (2011) *The Idea of Justice*. Harvard University Press.
- The Supreme Court's Ledbetter Decision/HR Compliance Focus (2009). *Take Action Now*. N.Y. BLR., pp. 28, 149.
-
-

Social Institutions, Mobility and Social Justice: the Results of a Study

M. CHERNYSH*

***Mikhail Chernysh** – Doctor of Sciences, Head, Sector for Social Mobility, Institute of Sociology of RAS. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: che@isras.ru

Citation: Chernysh M. (2015) *Social Institutions, Mobility and Social Justice: the Results of a Study*. *Mir Rossii*, vol. 24, no 4, pp. 7–28 (in Russian)

Abstract

This article contributes to the debate on social justice in Russian society. Currently this debate revolves around the role of Russian culture, which is often claimed to preserve the traditions of egalitarian distribution. The findings from an all-Russia survey cast doubt on this assumption, revealing a plurality of interpretations of social justice—from the concept of justice as direct action to the concept of justice as a procedure based on law. The proportion of Russians who share egalitarian values is small. The majority of the population perceives the principle of justice as the strict implementation thereof by authorities, the population, employers and employees.

Vignettes were used in order to gauge the reactions of Russians to situations where different interpretations of justice may be encountered. The findings reveal that the key problem is the gap between the macro and micro perceptions of justice. General macro principles rarely agree with practices taking place on a micro level. At this micro level interactions often resemble the rules of private *ad hoc* contracts, in which more resourceful groups preserve certain privileges.

Keywords: social justice, social institutions, mobility, bureaucracy, culture, working contract, civilization

References

- Douglas M. (1986) *How Institutions Thing*, Syracuse University Press.
- Fleck L. (1981) *Genesis and Development of a Scientific Fact*, Chicago University Press.
- Kirdina S.G. (2000) *Institutsional'nye matritzy i razvitie Rossii* [Institutional Matrices and Russian Development], Moscow: Teis.
- Kordonsky S.G., Dekhant D.K., Molyarenko O.A. (2012) Soslovnye komponenty sotsial'noi struktury Rossii: gipotetiko-deduktivny analiz i popytka modelirovaniya [The Estate Components of Russia's Contemporary Social Structure: a Hypothetico-Deductive Analysis and Modeling Attempt]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 62–102.
- Plan osennego prizyva v rossiiskuyu armiyu vypolnen na tri chetverti (2014) [Autumn Draft Plans Fall Three Quarters Short]. *Rossiiskaya gazeta*, 14 November 2014. Available at: <http://www.rg.ru/2014/11/14/priziv-anons.html>, accessed 30 May 2015.
- Platon (2014) *Gosudarstvo* [The Republic], Moscow: Lenand.
- Rawls J. (1990) *A Theory of Social Justice and its Critics*, Stanford University Press.
- Sandel M. (2009) *Justice. What Is the Right Thing to Do?* New York: Farrar, Strauss and Giroux.
- Sen A. (2011) *The Idea of Justice*, Harvard University Press.
- The Supreme Court's Ledbetter Decision/HR Compliance Focus* (2009). Take Action Now, N.Y.BLR., pp. 28,149.
- Uklonistov stanovitsya men'she [Draft Dodger Numbers Decline]. *Nezavisimaya gazeta*, 01 October 2014. Available at: http://www.ng.ru/editorial/2014-10-01/2_red.html, accessed 30 May 2015.
- Yakovenko I. (2012) Chto delat'? [What Is to Be Done?]. *Novaya Gazeta*, 16 March 2012.